

В Москве открылся филиал Института Сервантеса

Франсиско Гойя.
Автопортрет. Первый
лист «Капричос».
Опубликован
в 1799 г.

ГОИЯ

ЭТО ПО-РУССКИ

Вел Москва — 2002 — 15 апр — с. 4
Дарья АКИМОВА

На Новинском бульваре открылся Испанский культурный центр. В бывшем особняке князей Гагариных, который благополучно пережил тотальную реконструкцию (сейчас наводят последний глянec), работает московский филиал Института Сервантеса.

Институт Сервантеса — это аналог немецкого Института Гете, хотя директор Джон Хуаристи и против подобного сравнения (методы работы у центров разные). Тем не менее задача института, филиалы которого существуют во многих странах мира, все та же: пропагандировать культуру страны и обучать ее языку. «Пропаганда» уже ведется — московские барышни в восторге от идадьго, работающих в центре.

Свою просветительскую деятельность в столице институт начал с выставки самого испанского художника всех времен — **Франсиско Гойи**: в подвальном выставочном зале представлена серия из восьмидесяти его офортов «Капричос».

Из-за «Капричос» Гойи у нас когда-то начинали учить испанский язык: его авторские комментарии к фантасмагориям

точные, изысканны и грубы, как и весь Гойя. Пожалуй, в Москве он должен жить именно в Институте Сервантеса и именно так, как сейчас, — экспозиция оформлена сдержанно и лаконично. Никаких сомнительных легенд про дебошира-Гойю на выставке не рассказывается. И так понятно, что Гойя (заставший и эпоху просветителей, и эпоху романтиков) с его невыносимым сочетанием традиционности (если не консерватизма) и новаторства (если не провидения), почти бюргерской простоты (если не вульгарности) и придворной культуры (если не утонченности) был фигурой сложносочиненной.

Выставка не случайна и едва ли не «политически» уместна для московского старта института: Гойя как никто другой способен продемонстрировать свойства «загадочной испанской души» другой душе, не менее загадочной. Достаточно красноречиво и то, что Гойя находится на «минус первом этаже» — в недрах, в корнях, в подсознании. Когда рабочие наконец доштукатурят стены на лестнице, забудут все гвозди и уйдут, в зале будет стоять тишина — наверное, такая же, какую когда-то услышал оглохший художник.